

2. Толкачова, Г. В. Еволюція правового забезпечення гарантій захисту прав і свобод дитини / Г. В. Толкачова // Часопис Київського університету права. – 2014. – № 1- С.72- 76.
3. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо посилення соціального захисту дітей та підтримки сімей з дітьми: Законі України від 26.01.2016 № 936-VIII // Відомості Верховної Ради України. – 2016. – № 10. – Ст. 99.
4. Про охорону дитинства: Закон України від 26 квітня 2001 р. № 2402- III (станом на 21.02.2016) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2402>– 14

ТИЩЕНКО Ю. В.

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
доцент кафедры общетеоретической юриспруденции,
кандидат юридических наук

РАЦИОНАЛЬНЫЕ И НЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ ПРАВОВОГО МИФА

Определение правового мифа с точки зрения его феноменологической природы требует рассмотрения проблемы его структуры. И именно в этом ключе приобретает особое значение феноменология, поскольку она позволяет апеллировать и к рациональной, и к чувственной сферам человеческого сознания. По сути, синкретизм правового мифа как раз и является неразъединенностью этих двух начал правосознания. Так, следует согласиться с А. Б. Чефрановым, который утверждает, что феноменологическая природа права раскрывается в том, что основные правовые идеи являются одновременно первоосновой права и его целью [8, с. 330]. Здесь важно подчеркнуть, что рациональное видение основных правовых идей, выраженное в виде их теоретического осмысления, неизбежно дополняется иррациональным их восприятием, сопряженным с «вчувствованием» в правовую материю, ощущением причастности, осознания. Правовые мифы, таким образом, действуют одновременно на уровне правовой идеологии, получая свое выражение в системе правовых концепций и понятий, и на уровне правовой психологии, действуя на уровне подсознательного (индивидуального и коллективного).

Думается, что именно иррациональная сторона правового мифа является его основанием. Эта гипотеза подтверждается тем, что социально-политическая и правовая мифология является средством конструирования некоторой особой целостности. Эта целостность должна создаваться не как рациональная идея, а как образ реального, конструированного как желаемое, что требует единогласия в социальной оценке

правовых и политических феноменов. Отсюда, основная цель мифов (как политических, так и правовых) — генерирование непротиворечивой совокупности взглядов и мнений по поводу мифологизированного явления [2, с. 88].

Правовой миф, таким образом, направлен на создание совершенной правовой действительности и, реализуясь благодаря своей жизненной силе, энергии, лежащей за пределами человеческого подсознания, способен вносить упорядоченность, стабильность в правовую реальность. Он может выступать в роли опоры, нерушимой основы общественного спокойствия и порядка, уверенности граждан в своей защищенности, поскольку содержит в себе ориентир человеческого поведения, осмысления себя и своих поступков в контексте бытия. Он способен объяснить человеку его место в мире, эффективно привязать ее к какой-либо значимой для него социальной общности.

Такое видение правового мифа позволяет утверждать, что в его основе всегда находится некий ценностный ориентир, осознаваемый на уровне правовой психологии. Здесь интересен подход, в соответствии с которым правовые ценности рассматриваются как предельные основания правового бытия, рамки правового пространства, в котором сосредоточиваются все правовые практики и происходит аксиологизация правовых структур через их оправдание, пусть даже не всегда разумное и логическое. Исходя из понимания структуры правового поля П. Бурдые [1, с. 75–80], можно констатировать, что правовые ценности выступают ключевыми детерминантами символического порядка: субъект, попадая в правовое поле, сталкивается с символическими актами справедливости, закона и правосудия, которые выступают особыми квинтэссенциями этого поля [3, с. 109].

Правовые ценности иначе называют эйдетическими, понимая под ними ценности самого права, непосредственно с ним связанные и не зависящие от конкретно-исторического воплощения, социокультурных условий и целей законодателя. Прилагательное «эйдетический» при этом отмечает, что совокупность всех правовых ценностей образует идею права. С эйдетическим характером правовых ценностей связана интересная и остро обсуждаемая сегодня проблема универсальности правовых ценностей. Фактически эта дискуссия является частным случаем полемики вокруг существования так называемых общечеловеческих ценностей.

Структура правового мифа не ограничивается аксиологическими элементами. Не менее важной является антропологическая составляющая правовой мифологии, заключающая в себе весь спектр проблем социального восприятия права и его легитимации. При таком подходе правовые мифы несут в себе отпечаток психоментальных особенностей определенного коллектива людей, а потому их следует рассматривать как выражение глубинно-психологических характеристик этнической

общности людей, нации, народа в целом. Проблема социально-психологического исследования правовых мифов имеет и другой немаловажный аспект. Нуждаясь в легитимации своей политики, в обретении социальной поддержки своей активности, демократическое государство заинтересовано в создании благоприятных социально-психологических условий, для чего оно нередко прибегает к набору методов, ведущим к достижению цели через создание разнообразных мифологизированных структур.

Между тем, следует подчеркнуть, что в основании правового мифа может лежать как ценность, так и антиценность, поскольку оба эти феномена могут выступать легитимирующими структурами. Правовые мифы являются неотъемлемыми элементами любого социокультурного пространства. Мифологизация различных срезов правовой реальности, всегда имеет целью оправдание, легитимацию тех или иных процессов. Такая легитимация нацелена, в первую очередь, не на рациональное объяснение преимуществ юридического явления или института, а на установление ассоциативных связей, вовлечение мифологизируемого явления в общий контекст культуры того или иного народа. Подобные процессы, как представляется, всегда сопровождают правовую политику современного государства.

Таким образом, можно заключить, что правовой миф представляет собой особый феномен, существующий на рациональном и чувственном уровнях правосознания, выражающий ценностные или антиценностные правовые установки и нацеленный на легитимацию правовых явлений, институтов и процессов. Правовые мифы выступают неизменными спутниками каждой развитой правовой системы, поскольку являются пространством бессознательного обращения к фундаментальным правовым идеям.

Список використаних джерел

5. 1. Бурдьє П. Власть права: основы социологии юридического поля // Социальное пространство : поля и практики / П. Бурдьє ; пер. с франц. ; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2005. – С. 75– 128.
6. 2. Рязанова С. В. Политическая мифология как актуальная проблема гуманитарных дисциплин / С. В. Рязанова // Общественные науки и современность. – 2011. – № 1. – С. 86– 96.
7. 3. Сердюк О. В. Концептуалізація соціальності права в сучасних інтегративних парадигмах: П. Бурд'є, Ю. Габермас, Е. Гідденс / О. В. Сердюк // Проблеми філософії права. – 2006– 2007. – Т. IV– V. – С. 107– 112.
8. 4. Чефранов А. Б. Проблеми застосування теорії цінностей у правових дослідженнях / А. Б. Чефранов // Проблеми філософії права. – 2005. – Т. III. – № 1– 2. – С. 327– 337.